

Вышел новый сборник спорного, противоречивого, переоцененного, уставшего, но, несомненно, знакового, значительного и даже гениального в целом Автора. Его искусство всегда заключалась не в художественности, не в полифонии лирических голосов и даже не в карнавализме, предписанном литературе титанами неведомого простому человечеству олимпа. В переходные эпохи художественное отступает перед партийным и — на войне как на войне — творческим методом автора становится полифония *химер*. То есть идей, которым Достоевский давал самостоятельные человеческие голоса и которые через сто пятьдесят лет, с одной стороны, стали общим местом, а с другой — поставлены производством на поток. Общему месту не присуще лицо — и у героев Автора нет лиц, есть лишь социальная функциональность. Когда химеры были еще идеями-ростками, их можно было рефлексировать. Теперь, когда общие места стали лесом, ветром и дождем, рефлексировать и поздно, и непродуктивно, иначе можно выпасть из жизни. Быть отключенным от спецраспределителя гуманитарных благ. Наш Автор

рефлексирует страстно, однако он не отключен. Его гениальность заключается в том, что он единственно и неповторимо умеет провести правду путями кривды, а также Сциллы и Харибды. Все лучшие годы (и потому они стали лучшими) Автор создавал варианты царь-химеры, формирующие тройное неверие — в политику, в медиа и в будущее, что должно было полностью, фундаментально сокрушить российскую душу. Можно только догадываться, что царь-химера служила артподготовкой в ожидании следующего политэкономического кризиса — чтобы в нем материальное наложилось на духовное...

Но мир уже не тот. Скорой победы решено не ждать.

Но годы идут. И пыльный шлем из колючего войлока давно натер лоб. Да ведь и люди же мы? Талантливые, эрудированные — но ведь все-таки люди!

И доказывать уже больше нечего: все доказано, опровергнуто и вновь доказано. И так до пяти раз.

И бабла при любом раскладе хватит.

А значит, вот она — скука. Разочарование: читатель толком не врубается. О критиках не стоит и

говорить: либо глупы, либо ангажированы, либо отмалчиваются — следуя правилу «молчи, за умного сойдешь», но всем своим видом показуя, что мараться о такое не захотели...

Мы, однако ж, не имеем никакого отношения к третьей древнейшей профессии — и не будем смешить читателя лучами правильного мировидения, озаряющими вселенную из глубин нашего честного сердца. Потому что мы Автора понимаем, сочувствуем ему и его ценим.

А речь о книге «Искусство легких касаний» поведем по-пелевински: с конца. Ну или с зада. А в конце книги ее вторая часть «Бой после победы». Победа здесь — достижение богатства. Бой же идет за утраченную свежесть олигархических ощущений кайфа от жизни (см. «Фудзи»), вернуть которую проще всего при помощи хождения в народ и примеривания (краткосрочного) на себя его, населения, шкуры. С первых шагов хождение в народ достигает гуши и квинтэссенции великороссийской жизни. Несколькими мастерскими мазками Пелевин создает развернутую метафору России-столыпина. Шире — России-симулякра, где всякая внешнеполитическая самостоятельность, при помощи опять-таки иностранных специалистов, дает ядовитый выхлоп в виде слияния разделенных было властей в одну плеть-семихвостку, заимствованную Москвой, как известно, в Золотой Орде. Семихвостка — это горько, но еще горше симуляция мотивов ее применения.

Таков пелевинский меседж в конце: «Столыпин, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа...»

Что до сути — то она, как в большинстве случаев, у Пелевина утрирована, что можно списать на экспрессию поэтического тропа. Вот еще — на сей раз конкретный — пример: «В чем, по-вашему, заключается уголовное наказание?.. Свобода — понятие абстрактное и философское. Как ее можно лишить, если ее так ни у кого на этой планете нету. А русское уголовное наказание, напротив, очень конкретное и простое. Оно по своей природе родственно китайской пытке и заключается в том, что человека надолго запирают в клетку со специально выдрессированными системой садистами и придурками, которые будут много лет издеваться над беднягой под веселым взглядом представителя власти... Поэтому тюремные садисты и придурки — это те же самые госслужащие...» Такова гипербола. Говоря словами Есенина, пускай меня бранят за «Стансы» — в них правда есть. Да, есть, и она в том, что годы «клетки» увеличивают число садистов и придурков, все их остальное назначение — туфта. Но тут мы не эксперты, это у Лимонова читайте, ему судить, правильно ли Пелевин проводит границы между терминами «зафоршмачиться» и «зашквариться» (правильно), «крадун» или «жулик» (неправильно).

В общем, первый из главных вопросов эпохи мы обзрели. Свобода в РФ подвергнута уничтожению химерой осажденного лагеря, которая действует только на дисквалифицированное из поля субъектности население (отчего его больше не называют народом), помещенное в гигантский столыпин. А если оно целиком туда не влезет, то его, население, торжественно назовут народом, и оно бегом побежит... Таково соотношение нашей правды с нашей действительностью.

Продолжая реверсивное движение по книге, идем в первую часть, раздел второй. Название части — «Сатурн почти не виден», раздела — «Голгофский». И здесь прежде всего мы хотели бы воскликнуть: «Кто, кто же еще разжует и положит в наши широко распахнутые бездонные клювы хорошо пропитанный пелевинской желчью дайджест — глобальной повестки (ну или того, что за нее выдают)!» В мире непреодолимых искушений самоутверждения по образцу — миру, порождающем похоть, включающую в себя все иные желания, в том числе собственно похоть, — очень жестокие правила отбора, конституированные проституированностью духа, то есть ложью как дыханием, как нормой. В мире таком без вперед смотрящего — тоскливо всякому, для кого ложь еще не стала его свободой. Но знаем ли мы, что чувствует наш поводырь и чем платит за други своя и то, что под ним до сих пор не срублена грот мачта? Не знаем даже мы, только догадываемся.

Так вот. Овладевая массами, идеи, как учили, становятся материальной силой. Вопрос в том, какая предшествующая возникновению всепобеждающих и единственно правильных химер сила создает их самих? В это, самое темное царство и пытается войти (под нужным углом) лучик света — трогательный и беззаветно преданный Родине мыслитель Голгофский. Мы уже встречались с его трудами — исследованием о суровой судьбе советского масонства в «Лампе Мафусаила». Сегодня Голгофский становится нам ближе. Мы видим живой облик масоноведа, своим бескорыстным пером поражающего мельницы (ведь самое меньшее, что писатель *должен* сделать — это отыскать в фантазмагории логику, а самое большее, что он сделать *может*, — это сказать о ней). По характеристике Пелевиным Голгофского, очень похожей на автохарактеристику (в книге вообще много отсылок к творческому пути обоих), перед нами не «приключения фальшивого героя в криво намалеванном мире», а «кульбиты пытливого ума в измерении античности». Правда, не только античности. Голгофский ищет на генеральских дачах и дочерях, на европейских интеллектуально-масонских подмостках («пиджачишко на мне рваный, градусишко небольшой», — жалуется Дмитрий Евгеньевич матерым европейцам, на что те, косясь на русскую пол-литру, предлагают новое про-

чение понятия «градусы посвящения»), ищет в либеральной тусне, банях и соцсетях. И находит.

Силовые линии дискурса бывают от Бога и от людей. Первые называют гаргуйлями, или откровениями, вторые — химерами, выдающими себя за гаргуйлей. Апостолы творили, повинуюсь гаргулье. А вот крестовые походы — уже вызваны химерой. Главное в том, что свято место пусто не бывает, и когда небо перестает обновлять эгрегоры своих гаргуйлей, их сменяют корпоративные химеры. «Бог умер — да здравствует разум!» — как-то так. «Главная мысль Голгофского была следующая: химеры, по сути, и были главным инструментом, которым направлялось развитие человечества. С конца Средневековья этим занимались тайные оккультные ордена — а затем, где-то на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков, а может быть, и раньше, они слились со структурами, которые позднее стали называть “спецслужбами»».

Словом, Разум должен был когда-нибудь победить. Голгофский рефлексит: «Многие погибшие в двадцатом веке — крестьяне бывшей Российской империи, узники нацистских лагерей, страдальцы ГУЛАГа, жертвы Рынкомора и так далее — были принесены в жертву разуму...

«Именно так... <...> Разум призывал не бояться социальной хирургии... <...> Различались только конкретные технологии умерщвления людей — и медийно-культурная подтанцовка...»

Да, времена меняются, но Разум в силе — как тому и должно пребывать: «химеры различного рода проплывают перед нашим внутренним взором с утра и до вечера, да и весь наш психический скелет, если честно, состоит главным образом из них».

Разум, конечно, принадлежит Логосу. Но то, что в Логосе — гаргулья, то в Разуме — химера. Разница Логоса и Разума (то есть корпоративного, партикулярного логоса) — в метафизике. В признании *наличия* ее, ее *отсутствия* либо ее *окультурном* понимании, по результатам очень похожем на отсутствие (отрицание метафизики, транслируемое в массы).

По версии Голгофского, чекисты перехватили умение создавать боевые химеры у западных партнеров или получили, словно атомную бомбу, в наследство — как от родителей. И стали диктовать культурную повестку американскому народу, доводя его до тяжелого идиотизма, лицемерия, психопатии. Чекисты дали работу всем американским психоаналитикам, но экономику это не спасет, ибо маразм сильнее всякой науки. Мечты чекистов влажны, но уже не кажутся волшебными: «у них там будет не республика, а сказка с нашим концом. Сначала введем диктатуру меньшинств. То есть не самих меньшинств, ясное дело, а прогрессивных комиссаров, говорящих от их имени. А еще лучше комиссарш. И одновремен-

но прокурорш. Таких непонятно откуда взывшихся кликуш, перед которыми все должны будут ходить на цыпочках и оправдываться в твиттере под угрозой увольнения. Назовем это диктатурой общественного мнения...»

Эти и иные действительные и возможные факты не оставляют сомнений: Америка и свободный мир под угрозой. Но не слаще, ох не слаще и по другую линию фронта. Голгофский пишет, предчувствуя прозрение: «Быть может, я с небывалой ясностью увижу скелет когда-то великой страны, где все настолько давно и надежно украдено, что нет никакой надежды ни на будущее, ни на прошлое? Где деткам одна дорога — в персонал, обслуживающий жирную мразь, а единственный работающий социальный лифт расположен на сайте “девушки для путешествий”». Где вся общественная жизнь давно проходит на американских платформах и моделируется американцами — а стоящие у руля весельчаки до сих пор зачем-то строят направленные на Америку ракеты?..

«А самое страшное, что мозги у исчезающих в лиловом зареве девушек так надежно и фундаментально пропитаны сетевым гноем, что... все большие жизненные выборы давно сделаны за них этим самым смартфоном...» — или «могильником», как еще называет сотового контролера Голгофский, отказываясь исправить опечатку. Свобода — это когда твоя устрица открыта семи ветрам, ежедневно производя жемчуг, хотя, увы, и мелкий...

То есть чекисты зря радовались. Во-первых, семена методологической диверсии, вызревшие на созданных ими в Америке анчарах, проникают и дают всходы на Родине. А во-вторых, американцы приготовили ответ: химеру, которая мгновенно откроет всем россиянам глаза на правду жизни...

Однако ж. Голгофского не остановить. То же самое он может сделать с Америкой. Может и делает. Что стало с Америкой, открывшей на себя глаза, мы не ведаем, но Голгофский падает в борьбе, сраженный ответным прозрением. Падает, выдыхая последнее:

— Жопа! Боже, какая же вокруг жопа...

И как тут не вспомнить сакраментальное: великие познания рождают великую печаль! Несмотря ни на что, отметим: немного сниженный (из скромности) образ своего альтер эго Пелевин пишет хоть ироническими, но теплыми красками. Не теми, какими привык писать образ нашего статус-кво. Напоследок такая отсылка-характеристика Голгофского: он де часто «архивирует для читателя небольшой катарсис, увы, распаковывающийся не всегда». Ну разве не мило?

Тем временем с вечным глобальным *эпилогом* — Россией — второй частью книги и собственно телом нарратива — второй новеллой первой части поконче-

но. После глобального обмена боевыми разоблачающими царь-химерами уцелели только... те, понятно, кто все это мутит.

На наш взгляд, у современного (то есть живущего и творящего в эпоху решенных вопросов) мыслителя, за исключением проблемы человека (она в числе решенных), остается еще три: проблема Отечества, проблема мира вообще («камо грядеши») и проблема мотивации тех неумолимых сил, которым все мало. Понятно, что первостепенной остается именно третья проблема. И потому Пелевин именно с нее начинает свою книгу. И этот *пролог* дает контекст всему остальному. Да, «в двадцать первом веке нет никакой разницы между культурными процессами и военными действиями» — но кто и с какой целью ведет культурно-информационную войну с человечеством, кто создает — для себя — твердые западные деньги, которые есть «регулируемый вакуум, который отжимает все у всех и тянет куда надо»?

А дело в том, повествует Пелевин, что деньги — это концентрат времени. Отнимая у кого-то часть жизни в виде денег, можно у кого-то, при помощи этих денег, отнимать ее всю. А жизнь — это тоже время — космическое время, вложенное потенциально в живое существо. И если существо не проживает свою жизнь, под которую актом рождения уже выделено космическое расписание времени, то это расписание освободится. А ведь чем дальше от начала вре-

мен, тем больше время теряет качество, становится все разреженной, словно высокогорный воздух. Это порождает проблемы в мире: человечеству надо все больше технологий, чтобы существовать. Но это проблема и для Хроноса, или Баала, — бога всех богов. Время — это в первую очередь время энтропии Вселенной. И чем больше существ «откажутся» его, свое время, прожить (будут принесены в жертву совсем молодыми), тем веселее Хроносу, или Баалу. Баал поощряет своих земных жрецов — он переводит часть временных деривативов — потенцию судьбы, заложенную в жертвах, — в звонкую монету твердо го времени жизни для жрецов. Но все равно остается в наваре: «Это делали по особому древнему ритуалу, и бог на него отзывался. В самом центре культа Баала стояла группа людей, которые давно такой обмен наладили. Они фактически приобрели бессмертие и жили с незапамятных времен. Их называли темными бессмертными...»

Что ж, иных версий мотивации сих древних, как ящеры, демиургов нет и у нас. Об остальном прочитайте сами.

Последнее, что мы хотели обозначить, — это наша догадка насчет того, что Пелевин уже пишет (давно) какой-то новый роман. Должен тайно его писать. Потому что в нем, Авторе, становится все меньше функция и все больше человека.

Впрочем, быть может, он кокетничает?